

Охота на птиц.

Разве станет Гу Юнь, старый хрыч с вековой выдержкой, утверждать, что Цинфэн не подходит для земледелия, если сам прекрасно это знает?

Этот гад явно пытался его прощупать!

Проверить, не повреждена ли у него память...

Впрочем, отношения Мяофэна и Наставника были вполне сносными, так что об этом он наверняка знал и скрывать было нечего.

Гу Юнь вздохнул, похлопал его по плечу с показным сожалением: — Хоть раньше ты и был таким милым, нынешний ты мне нравится куда больше.

— ...

Это в каком же смысле нравится?

— На твоём пику все равно ничего не вырастет, так что за овощами захаживай почаще к нам на Мяофэн.

Ничего не оставалось, кроме как согласиться — ради того, чтобы Цзысяо в будущем жил получше!

Сославшись на компенсацию, Гу Юнь позволил ему нарвать немного овощей прямо с их грядок. Шэнь Цин хоть и злился, что его так ловко обвели вокруг пальца, возразить ничего не мог и принял дары с легким сердцем.

С тех пор ему приходилось каждый день мотаться туда-сюда на Мяофэн.

Конечно, одними овощами сыт не будешь — чтобы расти крепким, как обойтись без мяса?

Однако выяснилось, что в их секте никакой мясной пищи и не пахло. Если хочешь отведать мяса, изволь добыть его сам.

— Охотиться? — изумился Шэнь Цин. С каких это пор бессмертные культиваторы стали жить по заветам буддийских монахов? У них даже кусочка мяса не сыскать! — И где же охотиться?

— Позади нашей секты есть гора, там водится всякая мелкая нечисть. Если кто-то из учеников хочет мяса, обычно ходят туда, — объяснил Гу Юнь, закинув руку ему на плечо и

придвинувшись совсем близко. — Пойдем?

Шэнь Цин мысленно представил тщедушную фигурку Цзысяо.

— Конечно пойдем, только вот моя нынешняя база культивации далеко не та, что раньше...

— Не бойся, я составлю тебе компанию. Я и сам сто лет не ел нормальной еды, аж слюнки текут.

Так и вовсе замечательно. Шэнь Цин слабо улыбнулся: — Тогда премного благодарен, старший братец Гу Юнь.

Гу Юнь на мгновение замер, глядя на его улыбку, а затем хихикнул: — Пустяки, нечего со мной церемониться.

Оба были людьми дела: решили — сделали.

Гу Юнь прямо на мечях доставил его к той самой задней горе. Стоило им приземлиться, как он убрал меч и предупредил: — Шагу от меня не делай, когда войдем, смотри не вздумай бродяжничать.

— Хорошо.

Эта гора носила название Звериная.

Уже по одному имени было понятно, что добра от местных монстров ждать не стоит. Шэнь Цин вошел внутрь с изрядной долей тревоги, стараясь держаться как можно ближе к Гу Юню. Повсюду здесь росли деревья, земля была усыпана сухой травой, и едва они ступили под полог леса, как тишину нарушил какой-то шорох.

Раздалось какое-то карканье. Шэнь Цин задрал голову и увидел двух птиц, которые хлопали крыльями. Заметив их, пернатые уселись на ветку прямо перед ними и принялись пялиться на незваных гостей.

Глаза у них были красными, и от долгого зрительного контакта становилось как-то не по себе. Отведя взгляд, он покрепче перехватил лук.

— С каких это пор ты стал таким трусишкой? Пусть культивация упала, но не до такой же степени? — поддразнил его Гу Юнь, заметив напряжение на лице товарища.

— Кхм. — Шэнь Цин слегка покраснел. Подумать только, он ведь все-таки нормальный человек!

Разве не естественно для новичка испытывать страх в месте, кишасщем монстрами?

Конечно, Гу Юню было невдомек, о чем он думает, поэтому Шэнь Цин выпятил грудь и заявил: — Ничего я не боюсь, просто вид этих остроклювых тварей вызывает у меня неприятные ощущения...

Не успело замереть эхо его слов, как Гу Юнь взмахнул рукой со зажатым в ней длинным мечом. Вспыхнул слабый белый свет, птицы на ветре издали жалобный вопль и камнем рухнули на землю.

Гу Юнь спрятал меч в ножны, подошел к тушкам, поднял их, слегка потряс перед носом спутника и ухмыльнулся: — Ну как, птичати́на тебе подходит?

— ...А ты и впрямь мастер на все руки.

Устроить пир и отведать мясо.

Две пташки не могли утолить их аппетит, так что они углубились в чашу.

Вскоре им попались кролики. Правда, эти ушастые сильно отличались от тех, что Шэнь Цин видел раньше: они были крупнее, а расположение ушей выглядело весьма странно — те крепились вокруг глаз, напоминая человеческие уши, и свисали концами вниз. Из книг он помнил, что звались они зловещими кроликами.

Это были низшие демонические звери, которые служили кормом для прочей нечисти. Люди в принципе тоже могли их есть, но обычный смертный при виде такой мерзости, пожалуй, забил бы ее до смерти на месте.

Увидев их живьем, Шэнь Цин охарактеризовал их двумя словами: страшны как смертный грех.

Гу Юнь действовал куда расторопнее. Не успел Шэнь Цин даже натянуть тетиву, как меч рассек воздух, прикончив сразу двух зверьков.

— На сегодня хватит, — Гу Юнь схватил их за короткие задние лапы и швырнул Шэнь Цину. — Держи, все твои.

— Эм, а ты разве не будешь?

— Еще как буду, — ответил Гу Юнь и вдруг подбросил в небо пойманных им птиц. Шэнь Цин задрал голову и увидел, как тот снова взмахнул рукой — на землю упали два окровавленных предмета.

Приглядевшись, Шэнь Цин с ужасом понял, что это были птичьи клювы...

— Ты рубишь, а я ем. — Следом опустились и сами тушки, которые Гу Юнь тут же поймал. Кровь каплями капала на землю, выглядя пугающе зловеще.

Выражение лица Шэнь Цина невольно изменилось — до чего же кровожадный этот тип! Он не удержался и спросил: — Ты тоже со мной пойдешь обратно?

— Конечно.

Вдвоем они вернулись на пик Цинфэн. К этому часу занятия у Цзысяо уже закончились.

Шэнь Цин как раз столкнулся с учеником, выходившим из павильона формаций, и расплылся в улыбке: — Цзысяо, сегодня вечером старший брат приготовит тебе мясо! Какое хочешь — на углях, в соевом соусе или на пару?

Заметив в руках наставника двух огромных уродливых кроликов, Цзысяо брезгливо отшатнулся в сторону и произвел отповедь: — Не утруждайте себя, учитель, мне хватает пилюль бацзы.

— Разве так можно? Я ведь специально ради тебя ходил на охоту, ты и так совсем худой, — Шэнь Цин расстроился от такого приема. — Неужели совсем не попробуешь?

Взгляд Шэнь Цина был до того жалобным, а сам он выглядел настолько привлекательно, что у любого бы сердце растаяло.

— ...Тогда приготовьте на свое усмотрение.

— Мастер Шэнь, я буду жареное на углях! — неожиданно подал голос крутившийся рядом Гу Юнь.

Раз уж добычу притащил Гу Юнь, грех было отказывать. Шэнь Цин кивнул: — Ладно. Одного кролика зажарим, второго потушим в соусе, а птиц пустим на пару.

— Идет, годится, — Гу Юнь не имел возражений. — Пойдем, я помогу тебе управиться.

Не успел Шэнь Цин оглянуться, как все было готово, и над пиком Цинфэн поплыл умопомрачительный аромат.

Хэ Хэ, только что вернувшийся с тренировки, потянул носом воздух и невольно сглотнул слюну: — Старший брат, вы что, на охоту ходили?

— Ага! — В этот момент Шэнь Цин как раз вынес блюдо с приготовленными на пару птицами, но, заведев Хэ Хэ, испарился так быстро, будто прятал улики.

Постойте-ка, а Хэ Хэ ведь птица по своей природе? Не станет ли ему тоскливо от вида того, как напарников по перу пустили на фарш?

Впрочем, его опасения были напрасны: Хэ Хэ — бессмертный журавль, а те птицы — рядовые демонические звери, их даже сравнивать нельзя!

— Руки старшего брата по-прежнему золотые! Помню, как только вы появились здесь в прошлом, постоянно баловали нас стряпней, и спустя столько времени мастерство ни капли не увяло. — Хэ Хэ унюхал запахи и едва сдерживался. Подумать только, он не ел уже несколько сотен лет, а тут вдруг проснулся аппетит.

— Правда? — Шэнь Цин приятно удивился такому комплименту. — Ну ладно, вы пока накрывайте на стол, а я пойду спрошу Наставника, присоединится ли он к нам.

Кроликов съели.

Стоило ступить на путь бессмертия, как культиваторы переходили на пилюли и бросали мирскую пищу.

Считалось, что это очищает тело от земной пыли и грязи, помогая в постижении Дао.

Но в мире людей существовала поговорка: человек без еды что калека без ноги — три дня не поешь, и ноги протянешь.

К тому же, хотя Наставнику и прочим еда была без надобности, изредка побаловать себя вкусненьким не возбранялось.

Шэнь Цин вприпрыжку побежал к Наставнику с искренним приглашением.

Шэнь Исянь, тронутый его вниманием, легко улыбнулся и согласился. Изначально он рассчитывал на ужин вдвоем, но к ним присоединились еще трое. Идиллическая атмосфера за столом вдруг сгустилась, воздух стал тяжелым, и Хэ Хэ, проявив чудеса проницательности, тут же заявил, что у него срочно появились неотложные дела.

— А? — удивился Шэнь Цин. — Так срочно? Может, поешь сначала?

Лицо Хэ Хэ сделалось донельзя серьезным: — Очень срочно! Прошу прощения, старший брат.

Не дожидаясь уговоров, журавль сорвался с места так, будто за ним гнался свирепый зверь.

Цзысяо молчаливо косился на выражение лица Наставника, да и вообще — еду приготовили для него, уходить он не собирался.

Гу Юнь заявил, что добычу добыл он, так что ноги его отсюда не уйдут.

Шэнь Исянь бросил на обоих легкий, ни к чему не обязывающий взгляд и занял свое место.

— Наставник, — Шэнь Цин протянул ему палочки для еды.

Шэнь Исянь одарил его улыбкой, от которой у Шэнь Цина на секунду ослепило в глазах. Надо же, Наставник даже за обычной трапезой выглядел невероятно пленительно, а его чуть приоткрывающиеся губы казались влажными и соблазнительными.

Их взгляды встретились, и Шэнь Цин в испуге отвел глаза, чувствуя, как сердечко заколотилось о ребра.

— Хм. — Наставник тихонько усмехнулся.

Шэнь Цин поскреб пальцем щеку — попался с поличным.

За ужином маленький Цзысяо ел немного из-за скромного аппетита, зато Гу Юнь уплетал за обе щеки. Шэнь Цин помнил про Хэ Хэ, поэтому предусмотрительно отложил для него порцию в сторону.

— Недурно, только вот кое-чего не хватает, — Гу Юнь довольно похлопал себя по слегка округлившемуся животу.

— Чего же?

— Вина, — заявил Гу Юнь. — В следующий раз принесу кувшинчик домашней настойки от моего Наставника, попробуйте.

— Вот это дело!

И то верно, без Гу Юня он совсем забыл про выпивку.

— Ладно, большое спасибо брату Шэню за угощение! В другой раз жду у себя на Мяофэне, уж я-то вас отблагодарю по полной программе. Заметив, что тот собирается уходить, и при этом еще вздумав любезничать с ним, Шэнь Цин улыбнулся:

— Не стоитльгостей, старший сородич Гу Юнь.

Когда Гу Юнь ушел, на Цинфеле остались лишь они трое — учитель и двое учеников.

— Учитель, этот ученик сперва пойдет и приберет всё здесь.

— А ты поел?

— Нет, еще не... — Разве они не только что закончили обедать?

— Предоставь это своему ученику, а сам следуй за мной в комнату для медитаций, — произнес Шэнь Исянь, разворачиваясь.

Шэнь Цин всегда беспрекословно слушал учителя, но оставлять Цзы Сяо разбираться со столь масштабным беспорядком в одиночку казалось не совсем правильным:

— Цзы Сяо, пока ничего не делай, подожди, пока старший брат вернется, и вы приберетесь вместе.

Однако Цзы Сяо уже принялся собирать со стола пустые пиалы:

— Старший брат, иди скорее.

— Хорошо, тогда ты пока отнеси это, а я мигом.

С этими словами Шэнь Цин поспешно бросился в погоню.

Цзы Сяо с безмятежным выражением в глазах смотрел на убегающую фигуру Шэнь Цина. Эти двое, стоявшие рядом, казалось, были словно созданы друг для друга, их ауры гармонично сливались воедино. Он слегка закусил тонкие губы и отвлёк взгляд лишь тогда, когда они окончательно скрылись из виду.

Вернувшись в комнату для медитаций, учитель проделал всё те же два привычных действия.

— Благодарю учителя.

— Угу. — Отдернув руку, Шэнь Исянь легко коснулся его межбровья, слегка опустил взгляд и тихо спросил: — Того мальчика зовут Цзы Сяо?

Шэнь Цин кивнул:

— Да, его настоящее имя Мутоу, а прозвище Цзы Сяо дал ему я, ученик.

— Цин'эр и впрямь так сильно о нем заботится.

Учитель ревнует?

Учитель приревновал?

Уловив это краем глаза, Шэнь Цин вдруг исполнился дерзкой догадкой.

Шэнь Исянь слегка прищурил глаза, в его сапфировых зрачках промелькнула темная тень. Его точеные пальцы не переставая гладили юношу по щеке, и это легкое касание отзывалось в самом сердце — щеотно и сладко.

— Цзы Сяо ведь тоже можно считать моим учеником... — Шэнь Цин слегка отпрянул назад и медленно произнес:

Его рука, ласкавшая щеку, на мгновение замерла в воздухе, и атмосфера вокруг вмиг стала неловкой.

— Учитель, Цзы Сяо — единственный ученик этого ученика, поэтому он хочет относиться к нему со всей душой, — Шэнь Цин прямо встретился с ним взглядом. — Просто ученик не совсем понимает, как нужно обучать учеников, поэтому и надеется на наставления учителя.

— ...Ты ведь тоже единственный ученик твоего наставника. — Брови Шэнь Исяня едва заметно нахмурились: ему было неприятно, что тот так сильно печется о каком-то мальчишке.

Шэнь Цин издал удивленный возглас, лицо его озарилось выражением внезапного озарения:

— Ученик понял, благодарю учителя за наставление!

— ... — Разве он что-то сказал?

— Как учитель относится к этому ученику, так и ученик будет относиться к Цзы Сяо, — слегка улыбнулся Шэнь Цин. — Простите, что побеспокоил учителя, а теперь ученик вынужден удалиться — Цзы Сяо всё еще ждет его.

Шэнь Исянь убрал руку. Шэнь Цин посчитал это молчаливым согласием, с ухмылкой развернулся и вышел.

Глядя на удаляющуюся спину юноши, Шэнь Исянь опустил голову и бросил взгляд на собственную ладонь — на ней, казалось, еще сохранилось тепло юношеского тела...

Покинув комнату для медитаций, Шэнь Цин облегченно выдохнул.

О небеса, учитель то и дело норовит дотронуться до него — для него это было настоящим испытанием, черт побери!

К тому же, он ведь не дурак: в нормальных отношениях наставника и ученика стал бы учитель без всякой причины гладить ученика по лицу?

Если бы он был ребенком — еще куда ни шло, но сейчас ему исполнилось триста двадцать три года.

Раз так, неужели учитель и вправду к нему неравнодушен?

Просто сейчас их отношения оставались столь двусмысленными, что нужно было срочно что-то с этим делать...

Полный всевозможных мыслей, Шэнь Цин вернулся на кухню. Цзы Сяо там уже не было, а посуда оказалась аккуратно убрана. Шэнь Цин с понимающей улыбкой подумал, что малыш стал куда смысленнее.

Надо бы проведать его.

Шэнь Цин направился прямо к комнатке Цзы Сяо и постучал в дверь.

Услышав стук, Цзы Сяо отложил учебники и открыл дверь. Увидев на пороге гостя, он слегка

удивился:

— Старший брат?

— Цзы Сяо, — на лице Шэнь Цина заиграла улыбка. — Разве я не просил тебя подождать меня? Почему ты всё прибрал сам?

Цзы Сяо невозмутимо ответил:

— Сегодня учитель задал наставления на дом, поэтому я подумал вернуться пораньше.

— Выходит, я помешал тебе?

Цзы Сяо промолчал.

— ...У твоего старшего брата есть пара сокровенных слов, которыми хотелось бы поделиться с тобой. Не позволишь ли мне войти и присесть?

В глазах Цзы Сяо мелькнуло изумление, но он всё же отступил в сторону, пропуская гостя.

Войдя в комнату, Шэнь Цин действительно увидел на столе несколько книг. Обернувшись и заметив, что мальчик всё еще стоит у порога, он поманил его рукой:

— Подойди.

Цзы Сяо молча подошел, остановился напротив и потупил взгляд.

Шэнь Цин велел ему сесть, и тот послушно опустился на стул.

Видя такую покорность, Шэнь Цин почувствовал, как его настроение улучшилось на пару пунктов: при столь послушном характере все его прошлые старания явно не пропали даром.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, не решаясь заговорить.

— Разве у старшего брата не было слов для меня?

Заметив, что тот уставился на него и долго тянет с разговором, да к тому же глуповато и счастливо улыбается.

— А, точно, — Шэнь Цин сухо кашлянул и выдавил из себя улыбку.

От этого звука Цзы Сяо подумал, что старший брат стал еще чуточку глупее, но... почему-то это показалось немного милым?

Решение Цзы Сяо

— Цзы Сяо, старший брат знает, что брать тебя на Цинфэль прямо так, не спросив твоего мнения, было не совсем честно по отношению к тебе. На самом деле, то, что ты попал под крыло учителя — это неплохо, но учитель больше не намерен принимать учеников, а твой старший брат сейчас далеко не так силен, как прежде, так что тебе придется немного потерпеть. Я всё это время обдумывал твои чувства: если за это время на пике тебе станет неуютно, старший брат уважает твое решение...

Шэнь Цин выпалил целую тираду. Главной его целью было дать Цзы Сяо шанс начать всё

сначала — в последнее время он не раз заводил с учителем разговор о том, чтобы тот официально принял Цзы Сяо в ученики, но наставник упрямо отказывался.

Сам же он не хотел портить парню жизнь, ведь у того впереди было прекрасное будущее.

— Старший брат считает Цзы Сяо глупым?

В глазах Цзы Сяо промелькнул холод, а услышав его слова, он слегка нахмурился.

Шэнь Цин испуганно замахал руками:

— Нет-нет, я просто боюсь, что здесь ты застрянешь в посредственности.

— В посредственности? — на лице Цзы Сяо проступило легкое недоумение. — Почему старший брат так думает?

Он был тем, кто в столь юном возрасте снискал огромную славу среди сект бессмертных, да к тому же носил гордое звание старшего ученика главы пика Цинфэль — в чем же здесь посредственность?

Цзы Сяо не понимал, почему тот пришел к подобным мыслям.

— Я... я просто боюсь преградить тебе путь и не сумею тебя наставить, — Шэнь Цин закусил губу и выпалил прямо: — Я ведь тоже дорожу тобой, поэтому и хочу прийти к общему соглашению. По крайней мере, тогда ты не станешь ненавидеть меня.

— ...

С чего тот вообще взял, будто он его ненавидит?

Цзы Сяо хранил молчание. На какое-то время он испытал весьма странное чувство к этому мужчине, выглядевшему столь юным: неужели тот страдает от комплекса неполноценности?

Но с чего бы ему чувствовать себя неполноценным?

И неужели тот действительно беспокоится и переживает за него?

Но чем он мог заставить этого человека так сильно заботиться о себе?

Цзы Сяо не понимал.

Он с детства обладал скудными эмоциями — казалось, таким он был с самого рождения. Ему были непонятны люди, которые плакали по любому поводу или то и дело расплывались в улыбках.

Почему они плачут? И почему смеются?

Со временем окружающие стали называть его чудовищем, и даже когда на него ополчилась целая толпа, он не почувствовал ни малейшей грусти, а на сердце было абсолютно штильно.

Словно всё, что они говорили, касалось вовсе не его, а кого-то другого.

Шэнь Цин не знал о прошлом Цзы Сяо, но, столкнувшись с его лицом, полным растерянности и сомнений, подумал: неужели он выразился недостаточно прямо?

— Цзы Сяо, если бы тебе представился еще один шанс, ты бы выбрал меня?

Если да, то он оставит его у себя.

Если нет, то он выполнит его волю и отпустит туда, куда тот пожелает.

— Значит, старший брат хочет прогнать меня? — Голос маленького мальчика звучал ровно, зрачки потемнели, а от и без того ледяной ауры повело еще большим холодом.

— Нет-нет, я просто спрашиваю твоего мнения.

Не ожидая, что тот всё поймет неправильно, Шэнь Цин поспешил с оправданиями:

— Я думаю, это прекрасно.

Значит, решил остаться!

Хотя в душе Шэнь Цин еще немного переживал, теперь, когда намерения малыша подтвердились, на его лице вновь засияла улыбка. Протянув руку, он не удержался и ущипнул мальчика за щеку:

— Вот и славно, просто замечательно.

— М-м... — Цзы Сяо, не слишком жаловавший излишне близкие прикосновения, попытался отстраниться, но, глядя на счастливое выражение лица мужчины, почувствовал укол жалости.

Как ни посмотри, а он какой-то дурашливый, подумалось Цзы Сяо.

— Как Цзы Сяо ладит с другими учениками? Не испытываешь ли каких-то неудобств?

Сердце Шэнь Цина вновь тревожно сжалось, и вопросы посыпались один за другим. Раньше он переживал, что слишком сильно вмешивается в чужие дела, но теперь был уверен, что поступает правильно.

Наказание учителя

— Прекрасно.

Цзы Сяо обошелся всего двумя словами.

Заметив, что тот не настроен на долгие беседы, да и всё, что хотел, он уже обсудил, Шэнь Цин перекинулся с ним еще несколькими фразами ни о чем и поднялся на ноги.

Уже темнело. Проходя мимо комнаты наставника, Шэнь Цин заметил в окне свет и тут же замер на месте.

Учитель в комнате?

Шэнь Цин был несколько удивлен. Перебравшись в покои наставника, он наивно полагал, что между ними начнут возникать те или иные мелкие стычки, но забыл о главном: учитель ведь совершенствуется.

Верно, ему почти не требовался сон, и ночи напролет он проводил в комнате для медитаций, неведомо постигая какие там высшие материи.

Короче говоря, каждую ночь Шэнь Цин оставался в одиночестве, но сегодня всё было иначе — судя по всему, те слова возымели должное действие.

Шэнь Цин тайком усмыслил про себя и толкнул дверь.

Едва переступив порог, он ожидал увидеть наставника в более расслабленном домашнем виде, но тот по-прежнему был облачен в дневные одежды. В сердцах кольнуло легкое разочарование, однако на лице засияла улыбка. Сделав шаг вперед, он с наигранным удивлением произнес:

— Разве сегодня учителю не нужно постигать Дао?

<http://bllate.org/book/20847/2102838>